

2.
Странно, что стереотипный образ (не образ, а штамп, клише!) Поэта складывался на основе пушкинских стихов. Может быть, потому, что имя Пушкина всегда было на слуху у всех и почти никто его не читал? 1815-й год: "Где наша роза, Друзья мои? Увяла роза, Дитя зари". 1816-й: "Увяла надежды ранний цвет, Цвет жизни сохнет от мучений!" 1817-й: "Опали вы, листья вчерашней розы... И вяну я на темном утре дней". 1818-й: "Я вяну, гибну в цвете лет, Но исцелиться не желаю". 1819-й: "В кругу чужих, в немилой стороне Я мало жил и наслаждался мало! И дней моих печальное начало Наскучило, давно постыло мне! К чему мне жизнь?" 1820-й: "Где рано в бурях отцвела Моя потерянная младость, Где легкокрылая мне изменила радость И сердце хладное страданью предала". 1821-й: "Под бурями судьбы жестокой Увял цветущий мой венец; Живу печальный, одинокий, И жду: придет ли мой конец?" 1822-й... Продолжать? Включите это (и это!) в школьную хрестоматию. Говорят: незрелость... стилизация... дань моде... сентиментализм, романтизм..., а настоящий Пушкин... и т.д. Но так ли? И что такое тогда зацитированная "Вакхическая песня"? Или "Пророк", "документальность" которого всерьез доказывается рядом (отрядом!) литературоведов во главе с В.Непомнящим? "Поэт в России меньше, чем поэт" (А.О.) еще и потому, что из него всегда пытались сделать нечто (что?) "большее". В действительности

Поэт в России может им не быть.
И это все, что он в России может.
(А.О.)

"И меж детей ничтожных мира, Быть может, всех ничтожней он", а "небесных глаголов не слышит никто впопыхах", и недопоэт так и поэт - в ничтожестве, никто его "враждебной властью" (власть враждебна всегда) из ничтожества так и не воззвал: "И в ничтожестве своем тебе, о тыква, я пою, но съешь ты голову мою" (Стратановский). Косноязычный, недопоэт и есть жертва, которую всегда требует Аполлон. Это не Проповедующий в собрании, а Христос Стратановского, который "невнятно говоря, глядел куда-то вбок, слова, с трудом, как неуч выбирая". Еще раз заглянем в классику: "Мой дар убог, и голос мой не громок" (Баратынский). "Не дано мне витийство: не мне связанных слов преднамеренный лепет! - а большого безумца вдвойне выдают не реченья, а трепет... Не стыжусь заиканий своих" (Фет), "И наконец они от крика утомились и от меня, махнув рукою, отступились как от безумного, чья речь и дикий плач докучен и кому суровый нужен врач". (Пушкин). Пожалуй, хватит. Известно, что в "суровых врачах" недостатка не было, нет. И не будет.

Псевдо-классической потешной фигуре вдохновленного красноречивая сегодня противопоставлен литературный клерк, специалист, "мастер", который, "демиургически-отстраненно" манипулирует чужими речами, "работает с языком", "теоретизирует" и составляет "тексты" попутно - как иллюстративный материал, продукт потребления и дальнейшей переработки, промежуточный результат "мастерства" и соревнования, то бишь - конкуренции. В этом ряду "тексты" недопоэтов не котируются: качество не то - бросовый, в общем, товар. Но можно использовать как "гуманитарную помощь" для нищих (духом), "кому давно не до картин и книг в языческих стенах существованья" (Кривулин). "Жизнь стала тоньше, дуновенней и невозможней, чем была" (Шварц), и невозможно разложить на ящиках вдоль тротуара эту невозможную жизнь, остается только самой лежать, "утонув среди гниющего теплого сора, ... как большая чужая столица, ... где от мозга до сердца берут за проезд три копейки" (Шварц).

И мнится: я - совсем не я
Среди заводов и больниц
Продмагазинов, скудных лиц
Я стал молчанием и сором бытия.
(Стратановский)
"Человек - пустяк природы" (Стратановский), но и сама эта "природа" - пустяк, жалкий и опасный одновременно:

О Ленинград - земля пустая...
Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг
Сосут вампирами пустыни
И ты сгибаешься под ними
Ничтожный человеко-мост
(Стратановский)
И сам Бог в этом мире (мире недопоэтов - недолюдей - недожизни), "Играющий нами, сорной горсткой людей... - только голый шар, бесполой и пустой" (Стратановский). "Мы разучились жить. Жизни почти нет, она осталась в деталях и совпадениях, в случайных воздушных пузырьках... Мы дышим воздухом, непригодным для дыхания. Любая частная победа есть общественный подвиг" (М.Айзенберг). О какой победе можно говорить, читая стихи петербуржцев? Цитируемые стихи Стратановского написаны давно. Но вот передо мной "Звезда" №6 за 1995-й год:

Сказал, что к страху и болезни
Сводилась жизнь, что длинной казнью
Был каждый день, а ночь боязнью
Гостей непрощенных... Сказал,
Что этот мир - не дом, - вокзал
Зал выживания, где все чего-то ждут

Это просто первое стихотворение подборки. Дальше читайте сами. Сейчас же мы вместе с М.Айзенбергом возвратимся к началу этих беглых заметок, к первоначальному представлению о поэзии. "Почему бы не описывать природу, пригорки и ручейки? Хорошее, в сущности занятие. Но в царстве несправедливости нет пригорков и ручейков. Нет солнца, нет травы. Или нужно заслужить право все это увидеть. Если принять (по Мандельштаму), что искусство - игра детей с Отцом, то понятно, что тут никак нельзя что-то камуфлировать или обманываться самому" (Айзенберг).

С самого начала ты пребывал в царстве, где нет солнца, нет травы. И

нет права все это увидеть. Где и тебя-то самого - нет: так, "черная крупинка под чьим-то ногтем", "обмолвка зренья", какой-то темнотельш, темнолобыш насекомый человек в чаще мухрыжечек и в хлипких хлябях лягух, не тот, не сам, не сам, ничей" - ты полз,

тоскуя и блюя
Тракуем всеми как свинья
Как язва общества и мусор бытия

(Шварц, Кривулин, Стратановский)

"Мы в истории - клякса, в анналах - мертвяко-пятно" (Стратановский).
"Мы - пыль, пыль ставшая на время грязью" (Бобышев).
Но... вот на вопрос Шварц "мы - ведь где мы?" - еще один - ответ:
Мы в аду
Зеленых смыслов и созревшей скверны,
Где флора нам являет чудеса.
(Миронов)

И "частная победа" (Айзенберг) петербургских поэтов, так похожая на преступление, такая двусмысленная победа! - в том-то и состоит, что из этого ада, из этого мертвяко-пятна, из этой грязи робко и бурно проклевываются,

прорастают, прут "живые буквы жизни", "речевик с животравником, с чепуховником жизни зеленой",

Как будто Древняя Зима
Читает нас - живую кожу
Как буквы - с ног до головы.
(Стратановский)

Огромное количество энергии израсходовано на то, чтобы "все сущее - увечеловечить, безличное - вочеловечить, несбывшееся - воплотить" (Блок). С переменной направления вектора: развоплотить! - становится слышен "нерожденного младенца под землю - тихий плач" (Стратановский) и слабость оказывается эффективнее силы.

Но если я не выжил из ума,
Мне чудится в беспечности письма
Вечность развоплощенья,
(Миронов)

когда

В ночи волглые
Воет воинство
Зеленявок, волосарей,
(Шварц)

а Свалка, "все в разложение съедая, грея, ...большую мыслью процвета, перерастает в "Большое дерево - Божье Слово - Книгу на окне" (Шварц) И вот

... жизнь струится, льется, ткется...
Сплетенная из крови, света, тени,
Из шелковичных змей и из растений,
Как в час отлива тянет за колени
В глубины, из плечей растет...
(Шварц)

И это

Небесная книга
Зацвела! Ветвась, главнеет...
(Стратановский)

Должно быть, это и есть "победа", потому что является поражением, и "цветенье духовного мяса" (Миронов) - гниением, и письмо - преступлением, а пророчество - заиканием?

Но длительнее всех примет
для шествия земного,
по-видимому, все же - нет,
не царственное слово,
Но - жалкое...
(Бобышев)

Перед Богом - не словом, а визгом
Душ замызганных дрызгом
Большим мычанием, кричаньем со слезами
Перед Богом - с мертвыми глазами
Но может, сила есть в бессильи
В косноязычьи - Божья речь
(Стратановский)

И может быть, вития Миронова, который "шипит и крадется злодею подстать, чтоб смыслы дневные как жертву пожрать" и совершает в этом измененном мире тот "общественный подвиг", предполагаемый Айзенбергом? Когда

торчащий из уст
жалоб, воплей
пылает
красный скрученный куст.
(Бобышев)

P.S. Мы лишь бросили беглый взгляд на Словесную Флору петербургской поэзии, горящее дерево слова, и мне остается - в который раз! - процитировать Шварц:

В это дерево мне не войти - это джунгли.

Елена Скибицкая. Из цикла "Парки Петергофа", 1992-1995. Черно-белая фотография.